

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-2-238-240

© А. Ю. Балакин

НЕЗАМЕЧЕННЫЙ АНТИЧНЫЙ СЛЕД В «СНЕ ОБЛОМОВА» (ГОНЧАРОВ И ВЕРГИЛИЙ)*

Писавшие о поэтике самой известной главы самого известного гончаровского романа дружно находили в ней отсылки к античным и западноевропейским образцам. «В картинах, предстающих в „Сне Обломова“, есть несомненные черты „золотого века“, — утверждал Ю. В. Манн, — а также, если мерить уже другими, эстетическими и жанровыми категориями, — черты идиллии».¹ Еще критики XIX века сравнивали описание Обломовки с идиллиями Феокрита,² современные ученые предложили еще несколько литературных и филологических текстов, повлиявших на изображение обломовского мира в романе Гончарова.³ Однако до сих пор оставался неназванным еще один источник образной картины «Сна Обломова» — «Георгики» Вергилия.

Напомним, что Гончаров в 1834 году закончил словесное отделение Московского университета и за хорошее поведение и успехи был удостоен звания действительного студента.⁴ Латынью будущий писатель начал заниматься еще в Московском коммерческом училище. Как он вспоминал впоследствии, без знания латыни «нельзя было поступить ни в какой факультет. Я переводил à livre ouvert⁵ Корнелия Непота, по которому все учились, как по „Телемаку“ Фенелона во французском языке».⁶ За время пребывания в университете Гончаров прошел

курс латинского языка и литературы, и на всю жизнь остался убежденным сторонником преподавания этих предметов.⁷ Кроме того, с Вергилием он, несомненно, сталкивался и позднее. Переехав в 1835 году в Петербург, Гончаров знакомится с семьей Майковых, становится своим человеком в их доме и начинает готовить к поступлению в университет одного из сыновей — Аполлона, страстного поклонника античных древностей. Немного позднее писатель в «домашнем» журнале Майковых публикует повесть «Лихая болезнь», где не без иронии изобразит все семейство; а один из персонажей (в котором угадывается Аполлон Майков) будет уверять рассказчика, что его любимое занятие на природе «есть черный хлеб, запивать водой и читать Вергилия и Феокрита».⁸ Однажды упоминает автор «Обломова» и непосредственно «Георгики». В письме к А. А. Толстой от 20 января 1876 года он сетует: «Ужели мы так испортились, что только одни юноши могут наслаждаться деревней, полями, лесами и читать Феокрита, „Георгики“ Вергилия, Борнса, Гебеля, а у нас Кольцова, Никитина и прочих, писавших в этом роде?»⁹

Если, согласно Гончарову, в 1870-х годах за «Георгики» брались уже одни юноши, то за срок лет до того не только их, но и «Буколики», и «Энеиду» активно читали и переводили в России. Сочинения Вергилия цитировались, включались в хрестоматии, а их фрагменты печатались в популярных журналах.¹⁰ Можно с уверенностью утверждать, что в первой трети XIX века Вергилий присутствовал в текущей журналистике как вполне актуальный автор. Из «Георгик» наибольшей популярностью пользовались три фрагмента: история Орфея и Эвридики (IV, 482–505), «похвала сельской жизни» (II, 458–540) и «похвала Италии» («Laus Italiae»; II, 136–176). Нас интересует последний.

Уже в Античности он стал образцом особого риторического жанра, который назывался «похвала местности» («laudatio locorum»). Об этом жанре с разной степенью подробности писалось во всевозможных риториках — от Квин-

* Благодарю В. В. Зельченко за ценные консультации и конструктивную критику.

¹ Манн Ю. В. Гончаров как повествователь // Манн Ю. В. Тургенев и другие. М., 2008. С. 427 (первые опубли. в 1994 году).

² См.: Мережковский Д. С. Гончаров // Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике: Сб. статей / Сост., вступ. статья и комм. М. В. Отрадина. Л., 1991. С. 174.

³ См.: Ляпушкина Е. И. 1) Идиллический хронотоп в романе И. А. Гончарова «Обломов» // Вестник ЛГУ. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. 1989. Вып. 2. С. 27–33; 2) Русская идиллия XIX века и роман И. А. Гончарова «Обломов». СПб., 1996. С. 110–116; Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2008. Т. 6. С. 195–197 (прим. В. А. Туниманова).

⁴ См.: Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 18–19.

⁵ без подготовки, с листа (фр.)

⁶ Гончаров И. А. Воспоминания. I. В университете. Как нас учили 50 лет назад // Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 7. С. 231.

⁷ Развернутое обоснование его точки зрения см.: Там же. С. 233–236.

⁸ Там же. Т. 1. С. 357.

⁹ Лит. наследство. 2000. Т. 102. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. С. 417.

¹⁰ Библиографическую сводку см.: Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв.: Библиографический указатель / Сост. Е. В. Свищев. СПб., 1998. С. 271–272.

тилиана¹¹ до Феофана Прокоповича.¹² Едва ли Гончаров внимательно изучал наставления упомянутых славных ученых, хотя имя первого ему было, несомненно, знакомо: вспоминая университетские лекции И. И. Давыдова, писатель отмечал, что «Квинтилиан, Блэр, Баттё не сходили у него с языка»,¹³ а в письме к Майковому из Портсмута от 20 ноября (2 декабря) 1852 года иронизировал по поводу «кодекса дружбы, который устарел гораздо больше <...> Квинтилиановой реторики...».¹⁴ Тем не менее было бы любопытно сравнить традицию описания «laudatio locorum» в древних риториках с начальными страницами «Сна Обломова»: как кажется, между ними есть несколько поразительных параллелей.¹⁵ Наша задача скромнее: указать на одно заимствование из Вергилия.

Говоря о размерности и безопасности жизни в Обломовке, Гончаров пишет между про-

¹¹ Ср.: «Est <laus> et locorum <...>: in quibus similiter speciem et utilitatem intuemur, speciem maritimis planis amoenis, utilitatem salubribus fertilibus. Erit et dictorum honestorum factorumque laus generalis, erit et rerum omnis modi» (Inst. orator. III, 7, 26–27; цит. по: *M. Fabii Quintiliani. Institutionis oratoriae libri duodecim / Ad fidem codicum manu scriptorum recensuit E. Bonnell. Lipsiae, 1854. Vol. 1. P. 135*). Современный Гончарову (весьма вольный) перевод: «Хвалятся некоторые места и страны <...>; здесь равно рассматривается красота и польза: красота полагается в видах приморских, в долинах, веселых урочищах; польза в благоарстоверении воздуха, в плодородии земли. Можно вообще хвалить достопамятные изречения и дела знаменитые. Словом, хвалить все можно» (*Марк Фабий Квинтилиан. Двенадцать книг риторических наставлений / Пер. с лат. А. Никольского. СПб., 1834. Ч. 1. С. 201–202*).

¹² Ср.: «При описании местности, как то: рек, полей, гор, — я полагаю, следует отметить главным образом три стороны: величину, внешность или качество и обстоятельства, т. е. надо рассмотреть, велик ли предмет, его длину, ширину, обширность, высоту, глубину и т. д. Затем — каков он, какими дарами природы отличается, приятен или неприятен, сладкий или горький, темный или светлый и т. д. Далее, какие предметы смежны или связаны с ним, т. е. когда при описании одного места затрагиваются и другие места: как например, справа находятся горы, слева — море, на востоке — леса, на западе — река и т. д.» (*Прокопович Ф. Соч. Л., 1961. С. 361* (пер. с лат. Г. А. Стратановского); ср. также: Там же. С. 377).

¹³ Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 7. С. 247–248.

¹⁴ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 111.

¹⁵ Ср., например, главу «Как восхвалять страну» в риторическом руководстве Менандра Лаодикийского (III в. н. э.) (Menander Rhetor / Ed. with transl. and comm. by D. A. Russell and N. G. Wilson. Oxford, 1981. P. 28–33).

чим: «...не водится там ядовитых гадюк; <...> нет ни львов рыкающих, ни тигров режущих, ни даже медведей и волков, потому что нет лесов».¹⁶ Современные комментаторы романа указывают на библейские параллели,¹⁷ однако и львы, и тигры пришли (а змеи — «ядовитые гады» — приползли) в «Обломова» напрямую из «Георгик»: в середине «Laus Italiae» читаем:

at rabidae tigres absunt et saeva leonum
semina <...>
nec rapit immensos orbis per humum neque tanto
squameus in spiram tractu se colligit anguis.¹⁸

Происхождение этой опасной триады несомненно: кроме как у Вергилия, лев, тигр и змея вместе в античных текстах не встречаются.¹⁹

Вполне вероятно, что Гончарову был известен латинский подлинник «Laus Italiae», но нельзя не отметить, что к моменту его поступления в университет этот фрагмент был переведен и опубликован как минимум три раза.

Первый полный перевод «Георгик» осуществил в 1777 году В. Г. Рубан, интересующий нас фрагмент там далек от подлинника.²⁰ Следующим «Laus Italiae» перевел путешественник и филолог А. С. Норов, но его опубликованный не в самом популярном и влиятельном журнале перевод едва ли получил хоть какую-то известность.²¹ Спустя несколько лет фрагменты «Георгик» стал печатать С. Е. Рацич, а в 1821 году выпустил свой перевод целиком. Он был благожелательно встречен как журнальной критикой,²² так Российской

¹⁶ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 101.

¹⁷ См.: Там же. Т. 6. С. 518–519 (прим. А. Г. Гродецкой).

¹⁸ Georg., II, 151–154; цит. по: *Virgil. Georgics / Ed. with a commentary by R. A. B. Mynors. Oxford, [2003]. P. XL–XLI. Пер.: «...но нет яростных тигров, и свирелого рода львов, <...> и чешуйчатый змей не влачит огромные кольца по земле и не сворачивается во множество витков» (лат.).*

¹⁹ Единственное исключение, подтверждающее правило, находится в эпической поэме латинского автора VI века Кориппа «Иоаннида, или О Ливийской войне» (VI, 253–255), но это явно влияние Вергилия.

²⁰ См.: *Публий Вергилий Марон. «Георгик, или О земледелии» четыре книги / С лат. яз. пер. на Вологде, изд. в свет с исправлением во многих местах В. Г. Рубаном, г. коллежским асессором и Вольного русского собрания при Императорском Московском университете членом. СПб., 1777. С. 32.*

²¹ Кроме того, змей там заменен «злой гидрой»; см.: Норов А. С. Древа, плоды различных стран, и похвала Италии // Дух журналов. 1816. Ч. 12. Кн. 24. С. 329.

²² В частности, о реакции А. Ф. Воейкова, который сам к тому времени осуществил полный перевод «Георгик», так и оставшийся

Академией.²³ Строки со львами, тиграми и змеями Раич переложил так:

Но тигров лютых нет, и львов неведом страх,
<...>

Не вьется по земле чудовищ Лернских стая,
Чешуйчатым хвостом песок переребая...²⁴

Как видим, фраза «Сна Обломова» ближе всего к латинскому подлиннику, откуда с большой степенью вероятности Гончаров ее и почерпнул.

Невозможно также не заметить близости «Laus Italiae» и «Сна Обломова» и на уровне поэтики. Как Италия для Вергилия, так и Обломовка для Гончарова представляют собой не реальную географическую точку, а условный идиллический локус, своего рода «потерянный рай».²⁵ Этим можно объяснить на первый взгляд странную гиперболизацию при

описании как той, так и другой местности, отмечавшуюся комментаторами.²⁶

«Звериную триаду» писатель вспомнил и будучи на африканском берегу. В книге «Фрегат „Паллада“» он писал про пребывание в Капской колонии: «Хотя я и знал по описаниям, что Африка <...> изобилует песками и горами, но воображение рисовало мне темные дебри, приюты львов, тигров, змей. Напрасно, однако ж, я глазами искал этих лесов: они растут по морским берегам, а внутри, начиная от самого мыса и до границ колонии, то есть верст на тысячу, почва покрыта мелкими кустами на песчаной почве да искусственно возделанными садами около ферм, а за границами, кроме редких оазисов, и этого нет».²⁷

Впрочем, приюты тигров автор «Обломова» вообразил напрасно, поскольку тигры в Африке (как и в Италии) не водятся. Но в его проводниках не было Вергилия, и никто не мог ему об этом рассказать.

в рукописи, см.: Балакин А. Ю. «Георгики» Вергилия в переводе А. Ф. Воейкова: История создания и забвения // Литературный факт. 2023. № 3 (29). С. 20–21.

²³ Академический разбор перевода Раича опубликован: Сухомлинов М. И. История российской академии. СПб., 1887. Вып. 8. С. 247–263.

²⁴ Вергилиевы «Георгики» / Пер. А. Р. М., 1821. С. 52; этот фрагмент впервые опубликован: Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. 1821. Ч. 19. С. 26; подп.: С. Амфитеатров (в упомянутом выше указателе Е. В. Свиясова публикация в «Трудах...» не отмечена).

²⁵ Об идиллическом хронотопе Обломовки см.: Отрадин М. В. «Сон Обломова» как художественное целое // Отрадин М. В. «На пороге как бы двойного бытия...»: О творчестве И. А. Гончарова и его современников. СПб., 2012. С. 81–82 (впервые опубликовано в 1992 году).

²⁶ Укажем лишь на один пример: и Вергилий, и Гончаров подчеркивают постоянство и размеренность климата описываемых ими мест. В Италии «Георгики» «неизменно весна и лето во время любое» (пер. С. Шервинского, лат.: «hic uer adsiduum atque alienis mensibus aestas»; II, 149), в Обломове «правильно и невозмутимо совершается <...> годовой круг», солнце «ярко и жарко светит около полудня», «по указанию календаря наступит в марте весна», «в ноябре начинается снег и мороз», «зима <...> выдерживает свой характер вплоть до узаконенной поры» (Гончаров И. А. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 99–100). Как отмечает один из современных комментаторов Вергилия, климатическое постоянство — это значимая примета Золотого века (см.: Virgil. Georgics. P. 121).

²⁷ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 178 (курсив наш. — А. Б.).